

Зверь дяди Бельома / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 23 января, 2025

Зверь дяди Бельома / рассказ ЗВЕРЬ ДЯДИ БЕЛЬОМА

Из Крикто отправлялся гаврский дилижанс, и пассажиры, собравшись во дворе «Торговой гостиницы» Маландена-сына, ожидали переклички.

Дилижанс был желтый, на желтых колесах, теперь почти серых от накопившейся грязи. Передние колеса были совсем низенькие, на задних, очень высоких и тонких, держался бесформенный кузов, раздутый, как брюхо животного. В эту чудовищную колымагу треугольником запряжены были три белые клячи с огромными головами и толстыми, узловатыми коленями. Они, казалось, успели уже заснуть, стоя перед своим ковчегом.

Кучер Сезэр Орлавиль, коротенький человечек с большим животом, но проворный, оттого что наловчился постоянно вскакивать на колеса и лазить на империал, краснолицый от вольного воздуха, ливней, шквалов и рюмочек, привыкший щурить глаза от града и ветра, показался в дверях гостиницы, вытирая рот ладонью. Его дожидались крестьянки, неподвижно сидевшие перед большими круглыми корзинами с перепуганной птицей. Сезэр Орлавиль брал одну корзину за другой и ставил на крышу рыдвана, потом более осторожно поставил корзины с яйцами и начал швырять снизу мешочки с зерном, бумажные свертки, узелки, завязанные в платки или в холстину. Затем он распахнул заднюю дверцу и, достав из кармана список, стал вызывать:

– Господин кюре из Горжевиля!

Подошел священник, крупный мужчина богатырского сложения, тучный, широкоплечий, с багровым добродушным лицом. Ставя ногу на ступеньку, он подобрал сутану, как женщины подбирают юбку, и влез в ковчег.

– Учитель из Рольбоск-де-Грине!

Длинный, неловкий учитель в сюртуке до колен заторопился и тоже исчез в открытых дверях дилижанса.

– Дядя Пуаре, два места!

Выступил Пуаре, долговязый, сутулый, сгорбленный от хождения за плугом, тощий от недоедания, с давно не мытым морщинистым лицом. За ним шла жена, маленькая и худая, похожая на заморенную козу, ухватив обеими руками большой зеленый зонтик.

– Дядя Рабо, два места!

Рабо, нерешительный по натуре, колебался. Он переспросил:

– Ты меня, что ли, зовешь?

Кучер, которого прозвали «зубоскал», собирался было ответить шуткой, как вдруг Рабо подскочил к дверцам, получив тумака отужены, рослой и плечистой бабы, пузатой, как бочка, с ручищами, широкими, как вальки.

И Рабо юркнул в дилижанс, словно крыса в нору.

– Дядя Каниво!

Плотный и грузный, точно бык, крестьянин, сильно Погнув рессоры, ввалился в желтый кузов.

– Дядя Бельом!

Бельом, худой и высокий, с плачущим лицом, подошел, скривив набок шею, прикладывая к уху платок, словно он страдал от зубной боли.

На всех пассажирах были синие блузы поверх старомодных суконных курток странного покроя, черных или зеленоватых – парадной одежды, в которой они покажутся только на улицах Гавра; на голове у каждого башней высилась шелковая фуражка – верх элегантности в нормандской деревне. Сезэр Орлавиль закрыл дверцы своей колымаги, влез на козлы и щелкнул кнутом.

Три клячи, видимо, проснулись и тряхнули гривами; послышался нестройный звон бубенцов.

Кучер гаркнул во весь голос: «Но!» – и с размаху хлестнул лошадей. Лошади зашевелились, налегли на построжки и тронули с места неровной, мелкой рысцей. А за ними оглушительно загромыхал экипаж, дребезжа расшатанными окнами и железом рессор, и два ряда пассажиров заколыхались, как на волнах, подпрыгивая и качаясь от толчков на каждой рытвине.

Сначала все молчали из почтения к кюре, стесняясь при нем разговаривать. Однако, будучи, человеком словоохотливым и общительным, он заговорил первый.

– Ну, дядя Каниво, – сказал он, – как дела?

Дюжий крестьянин, питавший симпатию к священнику, на которого он походил ростом, дородностью и объемистым животом, ответил улыбаясь:

– Помаленьку, господине кюре, помаленьку, а у вас как?

– О, у меня-то всегда все благополучно. А у вас как, дядя Пуаре? – осведомился аббат.

– Все было бы ничего, да вот сурепка в нынешнем году совсем не уродилась; а дела нынче такие, что только на ней и выезжаешь.

– Что поделаешь, тяжелые времена.

– Да, да, уж тяжелее некуда, – подтвердила зычным басом жена Рабо.

Она была из соседней деревни, и кюре знал ее только по имени.

– Вы, кажется, дочка Блонделя? – спросил он.

– Ну да, это я вышла за Рабо.

Рабо, хилый, застенчивый и довольный, низко поклонился, ухмыляясь и подавшись вперед, словно говоря: «Это я и есть тот самый Рабо, за которого вышла дочка Блонделя».

Вдруг дядя Бельом, не отнимавший платка от уха, принялся жалобно стонать. Он мычал: «Мня... мня... мня...» – и притопывал ногой от нестерпимой боли.

– У вас зубы болят? – спросил кюре. Крестьянин на минуту перестал стонать и ответил:

– Да нет, господин кюре... какие там зубы... это от уха, там, в самой середке...

– Что же такое у вас в ухе? Пробка?

– Уж не знаю, пробка или не пробка, знаю только, что там зверь, большущий зверь, он туда забрался, когда я спал на сеновале.

– Зверь? Да верно ли это?

– Еще бы не верно! Верней верного, господин кюре, ведь он у меня в ухе скребется. Он мне голову прогрызет, говорю вам – прогрызет. Ой, мня... мня... мня... – И Бельом опять принялся притопывать ногой.

Все очень заинтересовались. Каждый высказал свое мнение. Пуаре предполагал, что это паук, учитель – что это гусеница. Ему пришлось наблюдать такой случай в Кампюре, в департаменте Орн, где он прожил шесть лет; вот так же гусеница забралась в

ухо и выползла через нос. Но человек оглох на это ухо, потому что барабанная перепонка у него была продырявлена.

– Скорее всего это червяк, – заявил кюре.

Дядя Бельом все стонал, склонив голову набок и прислонившись к дверцам, – садился он последним.

– Ох! Мня... мня... мня... А верно, это муравей, большущий муравей, уже очень больно кусается... Вот, вот, вот, господин кюре... бегают... бегают... Ох! мня... мня... мня... до чего больно!..

– К доктору ты ходил? – спросил Каниво.

– Ну, уж нет!

– А почему?

Страх перед доктором, казалось, исцелил Бельома. Он выпрямился, не отнимая, однако, руки от уха.

– Как «почему»? У тебя, видно, есть для них «деньги, для этих лодырей? Он придет и раз, и два, и три, и четыре, и пять, и всякий раз подавай ему деньги. Это выйдет два экю по сто су, два экю! Как пить дать!.. А какая от него польза, от этого лодыря, какая от него польза? Ну-ка скажи, если знаешь?

Каниво засмеялся.

– Почем мне знать! А куда же ты все-таки едешь?

– Еду в Гавр к Шамбрелану.

– К какому это Шамбрелану?

– Да к знахарю.

– К какому знахарю?

– К знахарю, который моего отца вылечил.

– Твоего отца?

– Ну да, отца, еще давным-давно,

– А что у него было, у твоего отца?

– Прострел в пояснице, не мог ни рукой, ни ногой пошевелинуть.

– И что же с ним сделал твой Шамбрелан?

– Он мял ему спину, как тесто месят, обеими руками! И через два часа все прошло!

Бельом был уверен, что Шамбрелан, кроме того, заговорил болезнь, но при кюре он постеснялся сказать об этом.

Каниво спросил смеясь:

– Уж не кролик ли туда забрался? Верно, принял дырку в ухе за нору, – видит, кругом колючки растут. Постой, сейчас я тебе

его спугну.

И Каниво, сложив руки рупором, начал подражать лаю гончих, бегущих по следу. Он тьякал, выл, подвизгивал, лаял. Все в дилижансе расхохотались, даже учитель, который никогда не смеялся. Но так как Бельома, по-видимому, рассердило, что над ним смеются, кюре переменял разговор и сказал, обращаясь к дюжей жене Рабо:

– У вас, говорят, большая семья?

– Еще бы, господин кюре... Нелегко детей растить!

Рабо закивал головой, как бы говоря: «Да, да, нелегко растить!»

– Сколько же у вас детей?

Она объявила с гордостью, громко и уверенно:

– Шестнадцать человек, господин кюре! Пятнадцать от мужа!

Рабо заулыбался и еще усиленнее закивал головой. Он сделал пятнадцать человек ребят, один он, Рабо! Жена сама в этом призналась. Значит, и сомневаться нечего. Черт возьми, ему есть чем гордиться!

А шестнадцатый от кого? Она не сказала. Это, конечно, первый ребенок? Все, должно быть, знали, потому что никто не удивился. Даже сам Каниво оставался невозмутимым. Бельом снова принялся стонать:

– Ох! м-м... м-м... м-м... ох, как ухо свербит внутри... Ох, больно!

Дилижанс остановился перед кафе Полита.

Кюре сказал:

– А что, если пустить в ухо немного воды? Может быть, он выскочит. Хотите, попробуем?

– Еще бы! Понятно, хочу.

И все вылезли из дилижанса, чтобы присутствовать при операции. Священник спросил миску, салфетку и стакан воды, велел учителю держать голову пациента пониже, наклонив ее набок, и, как только вода проникнет в ухо, сразу опрокинуть ее в другую сторону.

Но Каниво, который уже заглядывал в ухо Бельома в надежде увидеть зверя простым глазом, воскликнул:

– Прах тебя побери, вот так мармелад! Сначала надо прочистить, старик. Твоему кролику никак не выбраться из этого варенья.

Увязнет в нем всеми четырьмя лапами.

Кюре тоже исследовал проход и нашел его слишком узким и грязным для того, чтобы приступить к изгнанию зверя. Тогда учитель прочистил ухо тряпочкой, навернутой на спичку. Среди общего волнения священник влил в канал полстакана воды, и она потекла по лицу Бельома, по его волосам и за шиворот. Потом учитель так резко повернул голову Бельома в другую сторону, словно хотел совсем ее отвертеть. Несколько капель воды вылилось в белую миску. Все бросились глядеть. Никакого зверя не было видно. Однако Бельом объявил:

– Я больше ничего не чувствую.

И священник, торжествуя, воскликнул:

– Ну, разумеется, зверь утонул!

Все опять уселись в дилижанс, очень довольные. Но едва дилижанс тронулся, как Бельом поднял страшный крик. Зверь очнулся и рассвирепел. Бельом утверждал даже, что зверь теперь пробрался к нему в голову и гложет мозг. Он так выл и дергался, что жена Пуаре, приняв его за бесноватого, начала креститься, заливаясь слезами. Потом боль немного утихла, и страдалец сообщил, что «он» ползает в ухе «кругом, кругом...». Бельом пальцами изображал движение зверя и, казалось, видел его, следил за ним взглядом.

– Вот он опять ползет кверху... м-м... м-м... м-м... ой, больно!

Каниво не выдержал:

– Это он от воды взбесился, твой зверь. Он, может, больше к вину привык.

Все рассмеялись. Каниво продолжал:

– Как доедем до кафе Бурбе, ты поднеси ему водки, он и не пошевелинется, право слово.

Но Бельом себя не помнил от боли. Он кричал так, будто у него душа с телом расставалась. Кюре пришлось поддерживать ему голову. Сезэра попросили остановиться у первого попавшегося дома.

Первой попалась навстречу ферма у самой дороги. Бельома перенесли на руках в дом и положили на кухонный стол, чтобы снова приступить к операции. Каниво советовал все-таки прибавить водки к воде, чтобы оглушить, а то и совсем убить

зверя. Но кюре предпочел уксус.

На этот раз, смеясь, вливали по капле, чтобы она дошла до самого дна, и оставили ее на несколько минут в ухе.

Опять принесли таз, и два великана, кюре и Каниво, перевернули Бельома, а учитель принялся постукивать пальцами по здоровому уху, чтобы вода скорее вылилась.

Даже сам Сезэр Орлавиль, с кнутом в руках, вошел поглядеть.

И вдруг все увидели на дне таза маленькую темную точку, чуть побольше макового зернышка. Однако она шевелилась. Это была блоха! Поднялся крик, потом оглушительный хохот. Блоха! Вот так штука! Каниво хлопал себя по ляжке, Сезэр Орлавиль щелкал кнутом. Кюре фыркал и ревел, как осел, учитель смеялся, будто чихал. Обе женщины радостно кудахтали.

Бельом уселся на столе и, держа на коленях таз, сосредоточенно и злорадно смотрел на побежденную блоху, барахтавшуюся в капле воды. Он проворчал:

– Попалась, стерва! – и плюнул на нее.

Кучер, еле живой от смеха, приговаривал:

– Блоха, блоха, ах, чтоб тебе! Попалась-таки, проклятая, попалась, попалась!

Потом, успокоившись немного, крикнул:

– Ну, по местам! И так много времени потеряли.

И пассажиры, все еще смеясь, потянулись к дилижансу.

Вдруг Бельом, который шел позади всех, заявил:

– А я пойду обратно в Крикто. Теперь мне в Гавре делать нечего.

Кучер ответил:

– Все равно плати за место!

Заплачу, да только половину, я и полдороги не проехал.

– Нет, плати сполна, место все равно за тобой.

И начался спор, очень скоро перешедший в ожесточенную ссору. Бельом божился, что больше двадцати су не заплатит, Орлавиль твердил, что меньше сорока не возьмет.

Они кричали, уставившись друг на друга, нос к носу.

Каниво вылез из дилижанса.

– Во-первых, ты отдашь сорок су господину кюре. Понятно? Потом всем поднесешь по рюмочке, это будет пятьдесят пять, да Сезэру

заплатишь двадцать. Идет, что ли, зубоскал?

Кучер, очень довольный тем, что у Бельома вылетит из кармана почти четыре франка, ответил:

– Идет!

– Ну, так плати!

– Не заплачу! Во-первых, кюре не доктор.

– Не заплатишь, так я тебя посажу обратно в дилижанс и отвезу в Гавр.

И великан, схватив Бельома в охапку, поднял его на воздух, как ребенка.

Бельом понял, что придется уступить. Он вынул кошелек и заплатил.

Дилижанс двинулся по направлению к Гавру, а Бельом пошел обратно в Крикто, и примолкшие пассажиры долго еще видели на белой дороге синюю крестьянскую блузу, развевавшуюся над длинными ногами Бельома.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 22 сентября 1885 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП «Аурика», 1994

Перевод Н.Дарузес Некаýаlar